

Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 27-28 нояб. 2013 г. – Барановичи: РИО БарГУ, 2014. – С. 282-284.

УДК 408.53:8-1

Н. В. Жданович

НЕСТАНДАРТНЫЙ ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВА-ОБРАЗА

Введение. Изменения в языке являются неотъемлемым элементом его развития, и поскольку язык живет, пока он развивается, постольку проблема обогащения лексики будет оставаться актуальной для исследователей. На наш взгляд, обогащение лексической системы заключается не столько в пополнении словарного состава новообразованиями, заимствованиями и т. п., сколько в развитии семантики уже существующих слов.

Обогащение – производное от обогатить, одним из значений которого является ‘сделать что-либо более ценным, значительным по составу, по содержанию’ [2, т. 8, стб. 290], следовательно, обогащение лексики – это появление у слов различного рода коннотативных приращений, которые приводят к расширению их лексической и синтаксической сочетаемости. Особый интерес в этом отношении представляют нестандартные определения-эпитеты, которые эксплицируют признаки, не всегда входящие в экстенционал значения определяемого слова, но ассоциативно с ним связанные. При интерпретации действительности в процессе познавательной и коммуникативной деятельности человек всегда проявляет элемент субъективности, поэтому эпитет интересен и как экспликатор свойств предметных имен, и как актуализатор глубинных пропозициональных связей определяемого. Эпитетами чаще всего являются имена прилагательные, а это, как считает Е. М. Вольф, – одна из наименее изученных и сложных для исследования частей речи, характеризующаяся смысловой многогранностью и широкой сочетаемостью с существительными различных тематических групп. Благодаря появляющимся в тексте семантическим и экспрессивным коннотациям эпитет дополняет существующие в

языке объективные представления о том или ином предмете и способствует расширению парадигмы образа определяемого слова.

Основная часть. *Эпитет* – это художественное определение, акцентирующее внимание реципиента на том признаке (признаках) предмета, который является значимым для интерпретации его образа с позиции субъекта речи. Таким образом, функционирование эпитета отражает как общеязыковые закономерности, так и характерные черты идиостиля.

Несмотря на широкий круг поэтических определений, выбор эпитета отражает авторские пристрастия и особенности мировидения. Практически у каждого поэта есть ключевые эпитеты, которые входят в состав так называемых идиосинкратических слов (по В. А. Кухаренко) и являются своеобразными маркерами идиостиля: например, к таким эпитетам В. А. Жуковского относятся *очарованный, туманный*, Ф. Н. Глинки – *горячий, кипучий, кипящий, палящий*, М. Ю. Лермонтова – *безнадежный, гордый, мятежный, одинокий*.

Преобладание определенных эпитетов в идиостиле поэта говорит о его личности, особенностях характера, жизненной позиции. Так, эпитетная система В.В. Капниста включает преимущественно «печальные» определения *мрачный, печальный, скорбный, слезный, унылый*. Объединенные общей семой 'страдание', они подчеркивают пессимистическое отношение поэта к действительности и соотносятся с его концептуальными метафорами: *мир – трудный, скорбный путь*, а *жизнь – нива зол*. Характерно, что в художественном мире В. В. Капниста образы *горести* и *смерти* идентичны, поскольку совпадают «результаты их деятельности»: и горесть, и смерть губят человека, останавливают время его жизни. Традиционное представление *смерти* в образе живого существа с косою в руках переносится на персонифицированный образ *горести* и наделяется теми же атрибутами: *Так, средь нег, среди покою Бездна мне открылась бед. Горесть острою косою Дней моих посекала цвет* (Ода на уныние). Однако, несмотря на «внешнее» сходство, образы *смерти* и *горести* имеют разные, можно даже сказать, противоположные коннотации, которые эксплицируются в тексте посредством эпитетов: горесть – *лютая, унылая, жестокая*, от которой нет

спасения человеку; смерть же – *отрадная*, поскольку для лирического героя В. В. Капниста она является переходом в вечность и возможностью обрести покой, который нигде не смогла найти душа человека на земле.

Эпитеты эксплицируют эмоции субъекта речи, создают лирический настрой произведений, поэтому даже тематически близкие, сходные по сюжету тексты у разных авторов не похожи. Сравним определения весны и связанных с ней явлений у А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского: *С каким тяжелым умиленьем Я наслаждаюсь дуновеньем В лицо мне веющей весны* (Евгений Онегин) – *Летит прекрасная весна; Благоухает воздух чистый* («На звук цевницы голосистой...»). *Прекрасная пора* – весна для Е. А. Баратынского – источник вдохновения и возрождения духовных сил человека (*в дыхании весны все жизнь младую пьет...*). Отношение А. С. Пушкина к весне совершенно иное и репрезентируется в тексте необычным оксюморонным сочетанием *тяжелое умиленье*, которое очень точно передает впечатление, психологическое восприятие поэта. Для него весна – нелюбимая пора года («*отдайте мне метель и вьюгу*»; «*люблю я пышное природы увяданье*»), и вместе с тем он не может отвергнуть ее – это романтическое время, пора любви, надежд и обновления.

Сравним выявленные в поэтической речи первой половины XIX века индивидуально-авторские определения *надежды* (13): *жадная, безумно жадная* (Ап. Григорьев), *буйная* (В. В. Капнист), *горделивая* (Е. А. Баратынский), *доверчивая, порочная, торопливая* (А. С. Пушкин), *играющая, пышная* (В. А. Жуковский), *кипучая, обаятельная* (В. Г. Бенедиктов), *ложно-радужная, мрачная* (М. Ю. Лермонтов). Благодаря эпитетам создаются совершенно разные образы одного и того же понятия, которые то приближаются к традиционному представлению (*надежда* – ‘вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного’), то удаляются от него настолько, что понятие получает противоположное значение (*мрачная надежда*).

Несмотря на активность субъективного начала в процессе создания необычных атрибутивных сочетаний, существуют определенные механизмы их появления: большинство нестандартных эпитетов мотивированы. Тот или иной

предмет имеет в языке парадигму образа, которая и предопределяет выбор определения к нему, однако трансформация и развитие образных параллелей под воздействием субъективных и внутритекстовых ассоциаций приводят к рождению индивидуально-авторских эпитетов.

Личность писателя, человека творческого, всегда отличается от других «количественным и качественным расширением как сфер коммуникации, так и средств, их обслуживающих» [1, с. 75]. Это касается и расширения системы эпитетов. Наши наблюдения показывают, что подавляющее большинство определений метафоричны и являются следствием переноса признаков одного семантико-ассоциативного поля в другое на основе имплицитного тождества восприятия различных предметов и явлений. Чаще всего перенос идет по двум направлениям: 1) перенос признаков, свойственных живому существу, на неживое: *задумчивые небеса, унылая земля* (В. А. Жуковский), *алчная земля* (А. С. Пушкин), *жадная волна, ленивые чувства* (Е. А. Баратынский), *ревнивая волна, ревнивые тучи* (М. Ю. Лермонтов), *строптивые волны* (В. Г. Бенедиктов), *боязливая луна* (Ф. Н. Глинка); 2) перенос признаков, характерных для конкретных предметов, на отвлеченные понятия: *железная судьба* (К. Н. Батюшков), *пестрая тревога, прозрачная лесть, упругая судьба* (А. С. Пушкин), *ветхие дни* (Е. А. Баратынский), *бесплатные мечты, сухая жизнь* (В. Г. Бенедиктов), *ветхий век, скользкая жизнь* (Ф. Н. Глинка). Значительно реже встречается перенос признаков, свойственных неодушевленным предметам, явлениям, на одушевленные: *безъякорный певец* (В. Г. Бенедиктов), *сахарный амур* (Ап. Майков).

Поиск аналогий стирает семантические границы между, казалось бы, далекими объектами и расширяет их ассоциативные связи. Представления различных сфер чувственного восприятия (зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной, осязательной), переплетаясь, становятся основанием метафорического сочетания с индивидуально-авторским эпитетом: *благовонные слова, звонкий пламень, яркий зной, яркий крик* (Ф. Н. Глинка), *прохладная*

тишина (В. А. Жуковский), *лазурная тишина* (М. Ю. Лермонтов), *яркий смех* (Ап. Майков).

Семантические и синтагматические связи эпитета предопределяются его значением, однако размытость лексического значения, потенциальная полисемантность имен прилагательных обуславливают наличие в семантической структуре определения имплицитных, ассоциативных сем. Круг семантических ассоциаций шире у качественных прилагательных, поэтому они составляют подавляющее большинство нестандартных эпитетов. Между тем метафоризация относительных прилагательных, их «окачествление» открывают дополнительный источник обогащения системы эпитетов потенциальными индивидуально-авторскими определениями: *адская любовь, адская слеза, свинцовая слеза* (М. Ю. Лермонтов), *алмазный фонтан, бисерная река* (А. С. Пушкин).

Заключение. Известный тезис о том, что «вещь – это система качеств», невольно обращает наше внимание на определители (точнее прилагательные-эпитеты), без которых тот или образ был бы неполным, недостаточным. Художественная (особенно поэтическая) речь отличается преобладанием признаковой (сигнификативной) семантики, поэтому в создании образной картины мира эпитету принадлежит основная роль. Являясь довольно гибкими в смысловом отношении единицами текста, эпитеты способны репрезентировать различные оттенки чувств, мыслей субъекта речи, следовательно, способны выражать субъективную оценку предметов и явлений, а значит, быть ключом к информации, представленной в художественном тексте.

Эпитет, как и любое поэтическое слово, – полифункциональная, полисемантическая единица, жизнь которой детерминирована художественной тканью произведения, эстетикой автора и его мировосприятием. Важнейшим собственно лингвистическим фактором семантических преобразований определения является его синтагматическая обусловленность, объективным показателем которой выступает лексическая сочетаемость. Анализируя происхождение нестандартных атрибутивных сочетаний, выявленных в

поэтической речи первой половины XIX века, мы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев можно представить мотив переноса и найти мотивирующие семы, которые находятся в латентном состоянии на периферии лексических значений определяемого/определения. Это свидетельствует о том, что нестандартные эпитеты являются средством обогащения поэтической лексики и способствуют расширению образной парадигмы определяемого слова.

Список цитируемых источников

1. Кухаренко, В. А. «Язык писателя» как аспект речевой деятельности индивида / В.А. Кухаренко // Человек и речевая деятельность. Вестник Харьк. ун-та. – Харьков, 1989. – С. 74-78.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.